

Я. С. ЛУРЬЕ

**Борьба церкви с великокняжеской властью в конце 70-х—первой
половине 80-х годов XV в.**

I

Вопросы истории общественной мысли в период образования Русского централизованного государства во многом по-новому ставятся в современной историографии. Старая историографическая традиция, согласно которой выразителями идеологии самодержавного государства считались иосифляне, боровшиеся с представителями противоположного направления — еретиками-«жидовствующими» и нестяжателями, отвергается в настоящее время рядом историков.¹ Мы знаем, что вплоть до начала XVI в. Иосиф Волоцкий и другие «обличители ереси» выступали как резкие критики великокняжеской власти, как представители крупного церковного землевладения, враждебные «державному» и его секуляризационным планам. Но когда и как началась эта идеологическая борьба между самодержавием и духовными феодалами? Вплоть до конца 80-х годов XV в. мы не встречаем в литературе упоминаний о выступлениях «обличителей ереси»; известные нам до сих пор полемические сочинения Иосифа Волоцкого и других «обличителей» (за исключением только послания Иосифа о троице, косвенно упоминающего о еретиках) относятся к концу 80-х и к 90-м годам. Для понимания предыстории сложной идеологической борьбы последних десятилетий XV в. необходимо обратиться к истории предшествующего периода — первого периода княжения Ивана III.

История идеологической (как и политической) борьбы в этот период очень слабо отразилась в источниках. Нам известно только, что ряд крупных представителей московского боярства подвергся в 80-х годах великокняжеской опале; известен также и другой факт, весьма знаменательный, но, к сожалению, почти не освещенный в историографии: настойчивая и многолетняя борьба между великим князем и митрополитом Геронтием.

Определенный отпечаток на историю политической борьбы первой половины княжения Ивана III накладывало то обстоятельство, что феодальная раздробленность не была еще в то время полностью ликвидирована на всей русской территории и даже внутри самого Московского княжества: от времен Василия Темного сохранилось еще удельное княжество Верейское, по завещанию Василия III младшие сыновья его получили новые уделы — княжества Углицкое и Волоцкое.

¹ См. Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники XVI в. — Антирелигиозник, № 3—4, 1934; А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953. Ср. также: Я. С. Лурье. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956.

Внутренняя борьба в Русском государстве обнаружилась уже во время так называемого «стояния на Угре» в 1480 г. — последнего столкновения с ханом, знаменовавшего собой конец татарского ига на Руси. Нашествию хана предшествовало выступление братьев Ивана — удельных князей. Против борьбы с татарами выступили на Угре несколько видных приближенных Ивана III; сторонниками решительного сопротивления были московские «гражане» и ростовский архиепископ Вассиан, призывавший Ивана III в своем «послании на Угру» не слушать своих «прежних развратников» и выступить против хана. Несмотря на некоторые колебания, Иван III не пошел по пути, на который толкали его «прежние развратники», не вступил в переговоры с ханом и не послал к нему своего представителя. В годы, последовавшие за Угрой, приближенные московского князя, скомпрометировавшие себя во время нашествия хана, попали в немилость: опале подвергся Василий Тучко-Морозов, сопровождавший жену Ивана III во время ее панического бегства в 1480 г. (вызвавшего негодование сторонников решительной борьбы);² спустя несколько лет за ним последовал Иван Васильевич Ощера-Сорокоумов, один из наиболее активных противников войны с ханом.³ Едва ли необходимо считать события 1480 г. причиной этих опал; вернее предположить, что «стояние на Угре» было толчком, под влиянием которого противоречия между московским боярством и великим князем обнаружались с достаточной определенностью. В те же примерно годы в опалу попали и представители других московских боярских фамилий — Салтык Травин, Иван Руно и др.⁴

Такова была историческая обстановка, в которой развивалась борьба между главой русской церкви — митрополитом и главой государства — великим князем.

Конфликт между Иваном III и митрополитом Геронтием был важным событием в политической жизни 70—80-х годов XV в. В конфликте этом так или иначе оказались замешанными самые разнообразные политические фигуры: уже известный нам ростовский архиепископ Вассиан, удельный князь Михаил Андреевич Верейско-Белозерский и, наконец, игумен и «старцы» Кирилло-Белозерского монастыря. Кириллов монастырь — крупнейший духовный феодал северной Руси — находился в пределах ростовской епископии и одновременно во владениях белозерского князя. Вопрос о том, кто является верховным сюзереном монастыря, был спорным. Руководящая верхушка монастыря во главе с игуменом Нифонтом поддерживала дружбу с Михаилом Андреевичем — помощь удельного князя оказывалась особенно ценной во время многочисленных земельных тяжб, которые вел монастырь. Так, например, Михаил взял сторону Кириллова монастыря во время столкновения, которое тот имел с другим крупным духовным феодалом — Троице-Сергиевым монастырем. Истцом со стороны Троицкого монастыря выступал его игумен, известный Паисий Ярославов, которого историки обычно считают (без всяких, в сущности, оснований) провозвестником нестяжательства; Михаил, однако, «оправил» представителя Кириллова монастыря и «обвинил» представителя Троицы.⁵

² ПСРЛ, т. XXIII, стр. 162. Ср.: ПСРЛ, т. VI, стр. 225 и 232, а также т. XXIV, стр. 201.

³ К. Базилиевич. Новгородские помещики из послужильцев. — ИЗ, № 14, [М.], 1945, стр. 71. Ср.: ПСРЛ, т. VI, 230.

⁴ С. Б. Веселовский. Феодалное землевладение в северо-восточной Руси. М.—Л., 1947, стр. 227 и 289.

⁵ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л., № 467.

Уже этот спор имел, по-видимому, известное политическое значение — участникам его предстояло потом вновь принять участие в ряде политических конфликтов; но в «большую политику» монастырь оказался втянутым в связи с другим конфликтом — с архиепископом ростовским Вассианом.

Как начался этот конфликт? Летопись, сочувствующая ростовскому владыке, приписала инициативу в «брани», возникшей в 1478 г., игумену Нифонту и связанным с ним «высокоумным чернецом», по словам этой летописи, «чернеци», возглавляемые Нифонтом, «научиша князя Михаила, князь же Михайло начат митрополиту говорити о том»; митрополит «повинуся князю Михайлу и грамоту даст ему»; но в дело вмешался великий князь и указал «ведати» Кириллов монастырь «ростовскому архиепископу».⁶ Наряду с ростовской летописью о событиях 1478 г. сообщает и другой источник с диаметрально противоположной тенденцией — правая грамота митрополита Геронтия, предоставляющая «князю Михайлу Андреевичу Кириллова монастыря игумена судити по старине». Расходясь с летописным рассказом в оценке этого эпизода (согласно грамоте инициатором спора был Вассиан, «вступившийся» в «князь Михайлов в Кириллов монастырь»),⁷ грамота, однако, не дает оснований сомневаться в том, что исход спора и расстановка сил описаны летописью правильно. Сперва, как указывает и летописный рассказ, митрополит выдал «грамоту» Михайлу (очевидно, ту самую, которая до нас дошла), но затем вмешался Иван III и решил спор в пользу Вассиана.⁸ Позиции великого князя и митрополита в этом случае полностью разошлись: Иван III был на стороне ростовского архиепископа, Геронтий — на стороне монастырской верхушки и удельного князя.

Первый акт борьбы кончился в пользу великого князя и ростовского архиепископа. Но борьба на этом не прекратилась, напротив, она перешла в Москву и приняла характер прямой распри между князем и митрополитом. В 1478—1479 г. между главой церкви и государством возник теоретический спор (возобновившийся в 1482 г.) о том, как нужно совершать обряд освящения новых церквей, в большом количестве построенных в эти годы на Москве. И в этом случае архиепископ ростовский Вассиан Рыло (а после его смерти в 1481 г. преемник его, архиепископ Иоасаф) оказался на стороне Ивана III. Поддержал великого князя и архимандрит Чудова монастыря Геннадий Гоновов. Летопись, близкая к Геронтию, утверждает, что столкновение кончилось в его пользу: в 1482 г. митрополит демонстративно покинул престол, и напуганный князь «сам ехав и би ему челом, моля да возвратится на стол свой, а сам во всем виноват сотворися»; спустя некоторое время митрополит (несмотря на попытку заступничества со стороны великого князя) сумел расправиться и с архимандритом Геннадием.⁹ Можно, однако, сомневаться в том, что исход столкновения 1478—1482 гг. был так удачен для митрополита, как это изображает сочувствующий ему летописец. Выступление Ивана III против митрополита в Москве сопровождалось не менее решительным его выступлением на

⁶ ПСРА, XXIV, стр. 197. Ср.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1951, стр. 191—194.

⁷ Н. К. Никольский. Правая грамота митрополита Геронтия. СПб., 1895, отд. оттиск из ПДП, СХI.

⁸ Третий источник, сообщающий о борьбе Нифонта с Вассианом, — одно из посланий Иосифа Волоцкого — относит первую ссору Нифонта с Вассианом (из-за дуги, которую Нифонт отказался дать «десятинику архиепископлю») к значительно более раннему времени, когда митрополитом был Филипп I (1464—1473). (Q. XVII. 64, лл. 226 об — 227).

⁹ ПСРА, т. VI, стр. 221—222 и 233—234.

севере. В 1482 г. был переведен из Кириллова монастыря игумен Нифонт — тот самый человек, которого сторонники ростовского архиепископа считали первым виновником «брани» 1478 г.¹⁰ Одновременно с уходом Нифонта Иван III осуществил важное мероприятие, которое, по справедливому наблюдению исследователей, должно было привести к дальнейшему ограничению монастырской вотчины: «отвод» белозерских земель, точное межевание владений Кириллова монастыря и его соседей; грамоты монастыря были забраны в казну.¹¹ В те же годы принужден был отказаться от наследственных прав на свою белозерскую вотчину и удельный князь Михаил Андреевич; после смерти Михаила Белоозеро должно было перейти к великому князю, а не к сыну Михаила — Василию Михайловичу.¹²

В следующем 1483 г. противники великого князя попытались вновь изменить положение в монастыре. Преемником Нифонта в монастыре был некий Серапион; сторонников прежнего игумена, связанных с митрополитом и местным удельным князем, этот новый игумен, очевидно, не удовлетворял. В 1483 г., как сообщает неизданный краткий кирилловский летописчик, составленный постриженником Нифонта — «старцем» Гурием Тушинным, «ходили старцы болшии 15 из Кирилова, а пошли по Ильине дни, а пришли в великий пост в третью неделю в свои келии по грамоте князя Михаила Андреевича».¹³ Дополнительные подробности этого демонстративного ухода «больших старцев» (длвшегося почти полгода — с августа по март) выясняются из «Отвещения любозазорным и сказания вкратце о святых отцех» Иосифа Волоцкого, входящего в состав его «Духовной грамоты» (пространной редакции Монастырского устава). Иосиф также рассказывает здесь об уходе «старейших больших старцев» из монастыря, происшедшем «в лета Горонтия митрополита», и едва ли можно сомневаться в том, что он имеет в виду этот же эпизод 1483 г. По словам Иосифа, старцы ушли в знак протеста против деятельности нового игумена (т. е. Серапиона), не соблюдавшего «святого Кирила предания»: «дондеже слышав князь (Михаил Андреевич, — Я. Л.) отгнати того повеле от Кирилова монастыря; и паки старци они все събрашяся в монастырь святого Кирила».¹⁴

В 1483 г., таким образом, враждебные Ивану III кирилловские старцы и связанный с ними верейский князь сумели добиться некоторого успеха; но уже в следующем, 1484 г. Иван III предпринял новое наступление на своих политических противников. Сын верейского князя Василий Михайлович, за два года до этого лишившийся прав на отцовское наследство, подвергся теперь новой немилости Ивана III: богатое приданое, полученное им от тетки его жены, великой княгини Софии Палеолог, было у него конфисковано, и сам он избежал ареста, только бежав в Литву;¹⁵ новый, еще более жесткий договор с Михаилом Андреевичем лишал верейского князя каких бы то ни было наследственных владений.¹⁶ Одновременно

¹⁰ Ср.: П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1878, стр. 55, 150.

¹¹ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, стр. 104—105, прим. 3. Нам представляются вполне убедительными соображения А. И. Копанева, относящего этот отвод, в соответствии с датировкой ряда списков, к 6990 (1482) г. (ср. там же, стр. 43—44, прим. 6).

¹² Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1. М.—Л., 1948, стр. 165.

¹³ ГПБ, Соф. 1468, л. 178—178 об.

¹⁴ ВМЧ, сент. 1—13. СПб., 1868, стлб. 551.

¹⁵ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 202—203.

¹⁶ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1, стр. 175.

Иван III вновь вступил в конфликт с митрополитом: на этот раз князь не только не упрощал Геронтия остаться на митрополичьем престоле, но даже наметил ему преемника — того самого Паисия Ярославова, который тягался с Кирилловым монастырем за несколько лет до этого.¹⁷ Геронтию удалось, правда, и в 1484 г. сохранить за собой престол, но положение его в последние годы его жизни (он умер в 1489 г.) было весьма неопределенным и двусмысленным.

Перечисленные события никак нельзя рассматривать как случайно связанную между собой цепь эпизодов. Ряд данных свидетельствует о связи между этой борьбой Ивана III с Геронтием и перечисленными выше боярскими опалами. Сын верейского князя Василий Михайлович, бежавший в 1484 г., был связан с Софией Палеолог, также попавшей в это время в немилость у своего супруга; Софья продолжала ходатайствовать за Василия Михайловича и после его бегства; о ее скандальном поведении в 1480 г. и об опале Василия сообщает один и тот же (Ростовский) летописный свод.¹⁸ Незадолго до бегства Василия Михайловича попал в опалу и Василий Тучко, сопровождавший Софию в 1480 г. Перед нами последовательно развивающаяся политическая борьба между великим князем и крупными феодалами, возглавляемая митрополитом.

Но если мы можем говорить о политической борьбе внутри Русского государства в 70—80-х годах XV в., то, естественно, встает вопрос об идеологической сущности этой борьбы, о взглядах и стремлениях враждебных сторон.

II

Своеобразие идеологической оппозиции, возглавлявшейся Геронтием, заключалось в том, что оппозиция эта, исходя от главы русской церкви, тем не менее в очень незначительной степени имела религиозный характер. Единственное столкновение митрополита с великим князем в сфере «чистой» идеологии — это спор о «хождении» при освящении новых церквей. Митрополит, совершая этот обряд, ходил против солнца; князь настаивал на хождении «посолонь». Странники Геронтия, по словам близкой к митрополиту летописи, ссылались при этом на авторитет «Святой горы» — греческих монастырей на Афоне; сторонники князя «свидетельства ни когю не приношаху, но глаголаху: „солнце праведное Христос на ада наступи и смерть связа и души свободи, и того ради, рече, исходят на Пасху, то же прообразуют на утрени“».¹⁹

Дополнением к летописному рассказу об этом споре может служить послание молдавского епископа Василия Романского Геронтию, присланное в 1484 г. с «Михилом Яковлевичем» (Русалкой-Морозовым?), в котором автор поддерживает точку зрения митрополита, как соответствующую «греческому закону»: «А кто имет действовати по солну у Грецком закони, а тот есть прокляк (!) от перваго собора 318 богоносных отець, иже в Никеи. У нас латини тако творят, а ми мечюм того дела».²⁰

Точка зрения Геронтия в этом случае может рассматриваться как более консервативная и связанная с традициями греческой церкви; пози-

¹⁷ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 203.

¹⁸ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 202—203.

¹⁹ ПСРЛ, т. VI, стр. 221—222; т. XX, ч. 1, стр. 335.

²⁰ ГПБ, Погод. 1287, л. 156 об Текст «Послания Василия» полностью воспроизведен А. Ф. Бычковым в книге «Описание церковнославянских и русских сборников Публичной библиотеки» (ч. II, СПб., 1882, стр. 507—508). О романской или романо-войварской епископской кафедре см.: Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской, Румынской, М., 1871, стр. 383—384.

ция сторонников князя, ссылавшихся не на «свидетельства», а на пример Христа, свидетельствует о каких-то исканиях в области культа. «Латинский» оттенок обряда «хождения посолонь» следует связать, может быть, с «латинскими» наклонностями Геннадия в последующий период, когда он из чудовских игуменов стал новгородским архиепископом. Но скольконибудь серьезное значение весь этот спор едва ли имел; недаром он не возобновлялся в последующие годы, и в обширной литературе геннадиевского кружка, как и в других церковно-полюемических сочинениях конца XV—начала XVI в., мы не встречаем о нем никаких упоминаний.

Догматический спор был, как мы можем полагать, и для великого князя и для митрополита лишь поводом для взаимных столкновений. Основным предметом борьбы были вполне светские вопросы. Вопросы эти нашли отражение в любопытном летописном памятнике, обнаруженном А. Н. Насоновым, — в своде 1488 (1489) г., вошедшем в состав другого свода — 1518 г., в свою очередь сохранившегося в виде двух летописей — Софийской II и Львовской.²¹ Близость свода 1488 г. к митрополиту Геронтию не вызывает сомнений: об этом свидетельствует и состав свода, содержащего ряд документов, явно вышедших из митрополичьей канцелярии, и подробное, проникнутое горячим сочувствием митрополиту, изложение всех перипетий его борьбы с князем (мы уже приводили эти известия выше). Но наряду с рассказом о «распрях» с митрополитом свод 1488 г. содержит непрерывный ряд известий о «распрях» великого князя с другими политическими силами и неизменно повествует об этих «распрях» в духе неодобрения великокняжеской политики. Здесь рассказывается, как Василий II послал «смертным зелием уморити» Дмитрия Шемяку;²² как погибла от «смертнаго зелия» первая жена Ивана III, «тверянка», причем виновником ее гибели был ближайший сподвижник великого князя;²³ с явным сочувствием братьям Ивана — удельным князьям повествуется о их столкновении с великим князем;²⁴ автор сочувствует «обидам», понесенным тверскими боярами от «московских детей боярских»;²⁵ он рассказывает о «пакостях», которые учинил в Киеве крымский хан Менгли-Гирей, напавший на город по прямому повелению Ивана III;²⁶ тщательно и несомненно сознательно подбирает летописец известия о всевозможных казнях и репрессиях, совершенных по приказу великого князя.²⁷

Характеризуя эту серию известий свода 1488 г., А. Н. Насонов полагает, что митрополит осуждает здесь князя за его «узко московский патриотизм»,²⁸ противопоставляя ему как бы более широкую общерусскую точку зрения. Едва ли с этим можно согласиться. Мы не находим в своде 1488 г. никаких признаков национально-объединительных тенденций. Выступая с оппозицией великокняжеской власти, связанный с митрополитом летописец берет под защиту крупных феодалов. В одном только случае свод 1488 г. критикует князя за его недостаточную решительность в борьбе с внешним врагом: в рассказе о «стоянии на Угре». Однако значительная часть рассказа об Угре в своде 1488 г. представляет собой

²¹ Ср.: А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — Известия Акад. наук, отд. гуманитар. наук, 1930, № 10, стр. 714—719.

²² ПСРЛ, т. XX, стр. 262 (в С2Л этого известия нет).

²³ ПСРЛ, т. XX, стр. 277; т. VI, стр. 186.

²⁴ ПСРЛ, т. XX, стр. 336; т. VI, стр. 222. Ср.: ПСРЛ, т. XX, стр. 353; т. VI, стр. 238.

²⁵ ПСРЛ, т. XX, стр. 352; т. VI, стр. 237.

²⁶ ПСРЛ, т. XX, стр. 349; т. VI, стр. 234.

²⁷ ПСРЛ, т. XX, стр. 349, 353; т. VI, стр. 235, 238.

²⁸ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества, стр. 720.

заимствование из Ростовского свода 1484 г., дошедшего до нас в Типографской летописи и непосредственно связанного с ростовским архиепископом Вассианом (в С2Л и Львовской читается также и послание Вассиана, неизвестно когда попавшее в этот текст). Включение ростовского рассказа с его патриотическим призывом к «храбрим, мужественным сыновьям Русским» в свод 1488 г. носило явно вгоричный характер; рассказ этот прямо противоречил предшествующему тексту свода, где встречалось одобрение братьям Ивана III, выступившим против великого князя.²⁹ Столь неожиданное совпадение политической линии Геронтия с политикой его злейшего врага Вассиана, с которым митрополит, как мы уже видели, вел в те же годы ожесточенную борьбу, могло объясняться только чисто тактическими соображениями. Характерно в связи с этим, что и «соборное послание» Ивану III с благословением его на войну против «поганных язык» было направлено Геронтием 13 ноября 1480 г., после окончания самого «стояния» (3 октября—11 ноября) и значительно позже «послания» Вассиана. Никакой полемики с «прежними развратниками», которую так энергично вел ростовский владыка, в послании митрополита нет: его послание носит совершенно трафаретный и бесцветный характер.³⁰

Что же представлял собой летописный свод, защищавший позиции Геронтия? Можно ли считать его официально-митрополичьей летописью, подобной сводам 1408 и 1418 гг.? Свод 1488 г., лежащий в основе С2Л и Львовской летописи, несомненно, был создан каким-то близким к митрополиту лицом, но едва ли митрополит мог выступить со столь резко враждебной князю летописью официально. Ведь это уже не был прежний «митрополит всея Руси», стоящий над несколькими великими князьями и поставленный в Константинополе. Своим поставлением на престол Геронтий был всецело обязан великокняжеской власти, и официально противопоставлять себя великому князю он не мог.³¹ Сторонник Геронтия, составивший свод 1488 г., представляется нам скорее летописцем какого-либо монастыря, нежели официальным летописцем митрополичьей кафедр.³²

Идеология Геронтия была идеологией крупных феодалов, враждебных централизованной власти, но неспособных противопоставить этой власти какую-либо положительную программу. Объединение северо-восточной Руси было совершившимся фактом; выступать против присоединения Новгорода и Твери к Москве московскому митрополиту было бы бессмысленно. Сторонники митрополита ограничивались поэтому только критикой отдельных актов великокняжеской политики и проявлений «силы» со стороны Ивана III.

Чем же объяснялась эта оппозиция и что побуждало Геронтия становиться во главе ее? Основную причину этого следует, очевидно, искать в политике Ивана III по отношению к церковному землевладению. Ко времени Геронтия относится ряд мероприятий, направленных против духовных феодалов: в 1478 и 1480 гг. великий князь конфисковал значительную часть владычных и монастырских земель в Новгороде; в 1482 г. произо-

²⁹ Ср.: Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 164—165.

³⁰ АИ, т. I. СПб., 1841, № 90, стр. 138.

³¹ Под 1482 г. свод 1488 г. содержит известие о сопернике Геронтия «чернецъ Сотоне» (Спиридоне), поставленном в митрополиты константинопольским патриархом, но, естественно, не выражает этому митрополиту никакого сочувствия (ПСРЛ, т. VI, стр. 233; т. XX, стр. 248).

³² Ср.: М. Д. При selков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 163—164.

шел уже упомянутый выше «отвод» земель Кириллова монастыря. В те же годы происходит и наступление на митрополичье землевладение: митрополиту приходится раздавать свои земли в условное держание великокняжеским «слугам»; иммунитетные права митрополичьей кафедры сокращаются.³³ К последним годам жизни Геронтия относится, наконец, и начало сближения великокняжеской власти с еретиками — противниками церковного землевладения.

Недовольство митрополита политикой великого князя по отношению к церкви получило некоторое отражение и в своде 1488 г. Мы не можем, правда, установить, как относился близкий к митрополиту летописец к наиболее крупному секуляризационному мероприятию этого периода — конфискации церковных земель в Новгороде в 1478 г. Дошедший до нас в СЗЛ и Львовской летописи рассказ полностью совпадает с пространственным официальным рассказом великокняжеского свода; был ли этот рассказ вставлен сводчиком 1518 г. вместо известия, читавшегося в своде 1488 г., или уже свод 1488 г. воспользовался здесь официальным рассказом, но так или иначе у нас нет сведений о позиции самого митрополичьего летописца в этом вопросе.³⁴ Зато отношение этого летописца к репрессиям 1480 г., совпавшим со следующей секуляризацией, более ясно. Летописец, заимствовавший рассказ 1480 г. из Ростовского свода (Типографской летописи), опустил содержащееся в ростовском рассказе обвинение Феофила в «нелюбии» к Ивану III (из-за конфискованных земель) и изменнических замыслах,³⁵ а под 1484 г. с явным неодобрением сообщил, что в этом году «остави, в заточении себя, новгородский владыка Феофил епископство нужею великого князя».³⁶ Характерно также, что именно в своде 1488 г. (под его последним годом) содержится первое летописное известие в новгородско-московской ереси, отсутствующее в официальной великокняжеской летописи.³⁷

В целом, однако, как мы уже отметили, церковные вопросы не занимали важного места в борьбе сторонников Геронтия против великокняжеской власти. Составителя свода 1488 г. характеризует скорее обратная черта — некоторая небрежность в догматических вопросах: составитель, вовсе не склонный, по-видимому, к «латинству», включил тем не менее в состав летописи (под 1439 г.) целую серию посланий папы и униата Исидора;³⁸ под 1475 г. он поместил «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, содержащее ряд мест, явно неприемлемых с точки зрения благочестивых приверженцев православия (мусульманские молитвы, прямые выражения свободомыслия автора и т. д.).³⁹

Именно эта особенность летописного свода 1488 г. помогает нам понять своеобразие идеологической оппозиции 70-х — первой половины 80-х годов, различие между идеологией Геронтия и идеологией «обличителей ереси», воинствующих церковников конца XV в.

Между сторонниками Геронтия и будущими «обличителями» было немало точек соприкосновения. Начало деятельности Иосифа Санина относится как раз ко времени ожесточенной борьбы между митрополитом и

³³ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2, стр. 194—201.

³⁴ ПСРЛ, т. VI, стр. 207—221; т. XX, стр. 319—335. Ср.: ПСРЛ, т. XXV, стр. 311—323.

³⁵ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 498.

³⁶ ПСРЛ, т. VI, стр. 235; т. XX, стр. 349—350.

³⁷ ПСРЛ, т. VI, стр. 238; т. XX, стр. 353.

³⁸ ПСРЛ, т. VI, стр. 238; т. XX, стр. 353.

³⁹ ПСРЛ, т. VI, стр. 156—169; т. XX, стр. 247—255.

великим князем, и вопреки старым историографическим представлениям мы можем в настоящее время с уверенностью утверждать, что первый важный акт этой деятельности — основание Волоколамского монастыря — был связан с прямым столкновением между Иосифом и великим князем. В послании (1479 г.) в Пафнутьев Боровский монастырь, недавно обнаруженный нами, Иосиф прямо указывает, что он оставил игуменство в Пафнутьевом монастыре из-за Ивана III: «Понеже видех есмь его на мя велми яростна, и ныне нечто на мене восполится да почнет мя волочити».⁴⁰ Иосиф перешел из Боровска, находившегося под великокняжеской властью, в Волок Ламский, принадлежавший одному из братьев Ивана, выступавшему как раз в это время против великого князя. Характерна также связь Иосифа в последующие годы с епископом Нифонтом Суздальским. Этот Нифонт — уже известное нам лицо: в 1478 г. он был игуменом Кириллова монастыря и вместе с Геронтием и князем Михаилом Андреевичем Верейским выступал против ростовского архиепископа и великого князя. В 1482 г. Нифонт стал архимандритом московского Симонова монастыря, а в 1484 г. — епископом суздальским. В качестве епископа суздальского Нифонт был одним из решительных врагов ереси, и в 1490—1494 гг., решившись обвинить в ереси преемника Геронтия — митрополита Зосиму, Иосиф Волоцкий обратился именно к Нифонту, называя его единственным защитником церкви от «скверныя и пагубныя ереси»: «Глава бо еси, и на тебе вси зримв».⁴¹ Сходной в общем была позиция и другого видного «обличителя» — архиепископа новгородского Геннадия.

Но несмотря на такие точки соприкосновения идеология «обличителей» ереси существенно отличалась от идеологии их предшественника — Геронтия. Наиболее ясное указание на это отличие мы встречаем в памятнике начала XVI в. — в «Сказании о новоявившейся ереси» Иосифа Волоцкого, служащем предисловием к его «Просветителю». Резко осуждая Геронтия за недостаточно энергичную борьбу с еретиками в начале еретического движения, Иосиф объяснял такую пассивность митрополита тем, что Геронтий был «грубостью сдържим, или не радяше о сих (христовых овцах) или бояшеса дръжавнаго».⁴² Указание на страх перед «дръжавным» очень интересно, так как оно не только свидетельствует о покровительстве великого князя еретикам, но и о том, что в этом случае злейший враг Ивана III, Геронтий, оказывался в глазах «обличителей» слишком лояльным по отношению к великокняжеской власти. Но в чем выражалась «грубость» митрополита? Речь идет, конечно, о богословской необразованности Геронтия, о его неспособности вести сложные теоретические споры с вольнодумцами. Именно здесь лежал водораздел между Геронтием и «обличителями». Иосиф Санин еще до своего ухода из Пафнутьева монастыря (т. е. до 1479 г.) выступил с «Посланием о троице», носившим богословско-полемический характер и направленным фактически против ереси. Вся дальнейшая публицистическая деятельность волоцкого игумена была ознаменована неизменным интересом к теоретическим проблемам богословия. Значение богословского образования хорошо понимал и соратник Иосифа — Геннадий. Геннадий тщательно разыскивал и рассылал своим сподвижникам книги, которыми пользовались еретики; в 1499 г. при его дворе был собран и переписан первый русский текст Библии. О необходимости создания на Руси «училищ» для широкого распространения

⁴⁰ ГИМ, Синод. 997, лл. 1535 об.—1536.

⁴¹ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, Прилож., стр. 428.

⁴² Там же, стр. 471.

начального богословского обучения Геннадий специально писал в 1496—1504 гг. митрополиту Симону.⁴³

Причины этого «просветительства» достаточно ясны; о них с полной откровенностью говорили сами «обличители». Перед лицом еретической пропаганды, исходившей от широко образованных по тому времени людей, защитники официальной церкви не хотели оказаться «сдержимыми грубостью»; они должны были быть во всеоружии богословского образования. Геронтия эта опасность еще не смущала. Еретическое движение обнаружилось в последние годы его жизни; с этой формой антифеодальной оппозиции митрополиту иметь дело, в сущности, не приходилось. Единственное народное движение, которое совпало по времени с пребыванием Геронтия на митрополичьем престоле, это стихийное выступление «граждан», требовавших от Ивана III в 1480 г. более решительной борьбы с ханом. Движение это не имело сколько-нибудь определенной антифеодальной окраски, и сторонников митрополита оно не пугало: они могли даже злорадоваться по поводу такого «роптания» против великого князя.

Борьба с еретиками наложила глубокий отпечаток на идеологию «обличителей». Сопоставление этой идеологии с идеологией их прямых предшественников — «воинствующих церковников» 70-х—первой половины 80-х годов — еще раз говорит о том значительном влиянии, которое оказало на русскую общественную мысль еретическое движение конца XV в.

⁴³ АИ. т. I, № 104, стр. 147—148.